

УДК 94 (470.6) "18"
<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.1.3>

Ю. Ю. Гранкин
 Ю. Ю. Клычников
 С. С. Лазарян

К ВОПРОСУ О РЕКОНСТРУКЦИИ СЛУЖБЫ И БЫТА СВЯЩЕННО-ЦЕРКОВНОСЛУЖИТЕЛЕЙ КАВКАЗСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Священно-церковнослужители Северного Кавказа представляли собой специфическую и небольшую группу населения региона, на плечи которой были возложены Церковью и государством весьма важные и значительные по охвату и глубине влияния на умы людей служебные задачи. Им предстояло вместе со словом Божиим нести свет просветления, изменять формы бытия и преобразовывать нравы, царившие в крае, в котором насилие и попрание жизни человеческой было почти обыденностью. Одновременно им вменялось не только освобождать сердца от скверны и ненависти, не только наставлять и направлять людей на путь истины, но внушать любовь к имперскому отечеству, а также послушание и почтение к имперским властям.

Жизнь и служение этих людей проходили в сложных условиях, развивавшихся природно-климатических или социальных катаклизмов, ввергавших население в состояние неопределенности или страха. Многие и каждодневные угрозы требовали от священно-церковнослужителей большой выдержки, самообладания, а иногда и героизма, чтобы оставаться верными избранному ими предназначению. Эти люди почти всегда были задействованы в повседневных событиях, разво-

рачивавшихся в крае, участвовали в межэтнических коммуникациях, выступали миротворцами, помогали обиженным и страждущим. Одновременно наравне со всеми подвергались опасностям военного времени, погибали от рук злодеев или неприязненных к русским горских наездников, умирали на своем посту, врачую и утешая поселен в казачьих станицах и в деревнях во время частых в крае первой половины XIX в. эпидемических болезней.

Немало трудов было принесено священно-церковнослужителями для обращения в Христианскую веру людей инославных исповеданий и даже преступников, спасая их души и возвращая в мир людей для продолжения созидательного существования.

Ключевые слова: священнослужители, Северный Кавказ, опасные условия, военные действия, религиозные требы, христианская вера.

Для цитирования: Гранкин Ю. Ю., Клычников Ю. Ю., Лазарян С. С. К вопросу о реконструкции службы и быта священно-церковнослужителей Кавказской области в первой половине XIX века // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (1). С. 29–34. DOI: 10.37493/2409-1030.2023.1.3

Yuri Yu. Granкин
 Yuri Yu. Klychnikov
 Sergey S. Lazaryan

ON RECONSTRUCTION OF THE SERVICE AND LIFE OF THE CHURCH PRIESTS OF THE CAUCASUS REGION IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY

The clergy of the North Caucasus were a specific and small group of the population of the region, on whose shoulders the Church and the State were entrusted with very important and significant official tasks in terms of coverage and depth of influence on the minds of people. Together with the word of God, they had to bring the light of enlightenment, change the forms of community life and transform the mores that reigned in the region, in which violence and trampling of human life was almost commonplace. At the same time, they were charged not only to free their hearts from filth and hatred, not only to instruct and guide people to the truth, but to inspire love for the imperial fatherland, as well as obedience and respect for the imperial authorities.

The life and ministry of these people took place in difficult conditions of developing natural-climatic or social cataclysms that plunged the population into a state of uncertainty or fear. Many and everyday threats demanded great endurance, self-control, and sometimes heroism from the clergy in order to remain true to their chosen destiny. These people were involved in everyday events unfolding

in the region, participated in interethnic communications, acted as peacekeepers, and helped the offended and suffering. At the same time, along with everyone, they were exposed to the dangers of wartime, died at the hands of villains or mountain riders, hostile to Russians, died at their post, healing and comforting the settlers in Cossack villages and villages during frequent epidemic diseases in the region in the first half of the 19th century.

A lot of work was brought by the clergy to convert people of heterodox confessions and even criminals to the Christian faith, saving their souls and returning people to the world to continue their creative existence.

Key words: clergy, North Caucasus, dangerous conditions, military actions, religious requirements, Christian faith

For citation: Granкин Yu. Yu., Klychnikov Yu. Yu., Lazaryan S. S. On reconstruction of the service and life of the church priests of the Caucasus region in the first half of the XIX century // Humanities and law research. 2023. V. 10 (1). P. 29–34 (In Russian). DOI: 10.37493/2409-1030.2023.1.3

Духовенство – это особенное сословие на территории Северного Кавказа, которое не только окормляло свою старожильческую или новопробретенную паству, направляло её по верной дороге и осуществляло пастырское попечение, но всячески должно было печься и о том, чтобы жители этой южной окраины Российского государства видели в нем свою опору и защитника, а также с готовностью могли служить его интересам.

Жить и осуществлять своё служение приходилось в сложных условиях военного времени. Многие части Кавказского края были захвачены противостоянием армии и казаков с непокорными горцами. Сами же казачьи станицы и мирные крестьянские селения часто подвергались нападениям со стороны многочисленных хищнических партий, ускользнувших от внимания армейских отрядов и казачьих постов. Селения грабили, людей убивали или увозили в рабство в горы. Хищники подстерегали людей на полевых работах или в садах, нападали на неосторожных путников на дорогах.

Немало жертв таких нападений было среди церковнослужителей. Так, 9 сентября 1831 г. иерей и благочинный станицы Баталпашинской Диомид Зайцев сообщил в Ставропольское духовное правление, что 1 сентября 1831 г. после переправы через реку Кубань закубанских хищников численностью до 2000 человек в трех верстах от станицы Баталпашинской случилось сражение и преследование войсками вторгшихся неприятелей. Во время преследования через речку Куму было найдено тело диакона Василия Дмитриева, изрубленное хищниками и брошенное в топкой балке вместе с телом неизвестного человека [7, л.1]. Благочинный Диомид Зайцев не только провел опознание тела погибшего диакона, но и позаботился о необходимом и соответствующем правилам придании земле погибшего.

Поскольку убитый диакон не успел обзавестись в станице Баталпашинской ни домом, ни какими другими обзаведениями, невозможно было установить, где с семейством и имуществом оставалась его жена. При ней должны были находиться и документы на чин диакона, которые по невозможности погибшим продолжать служение своё, полагалось возвратить в консисторию. Об умерших священно-церковнослужителях благочинный должен был «немедленно доносить Преосвященному, с означением оставшегося семейства и с приложением должностных документов. В то же время делает он опись оставшемуся после умершего имению с оценкой и представляет ее в Консисторию, а если имеются малолетние наследники, то и с назначением опекуна» [2].

Во исполнение своих обязанностей благочинный Диомид Зайцев отправил в Ставропольское духовное правление клировую ведомость на семейство погибшего от рук закубанских хищников

диакона Василия Дмитриева, из которой можно было узнать, что его женой была Евдокия Захаровна, 39 лет от роду, а также в семействе было шесть детей: сын Осип – 16 лет, Дмитрий – 11 лет и дочери: Татьяна – 9 лет, Анна – 7 лет и Елена – 5 лет [7, л. 4].

Семейство диакона Василия Дмитриева разбивалось в том числе и в г. Новочеркасске, откуда он прибыл в станицу Баталпашинскую по двум причинам: во-первых, для определения размера содержания и вспомоществования для семейства, оставшегося без кормильца, а во-вторых, по необходимости вернуть в консисторию документы на чин диакона, как того требовали правила. По существовавшим установлениям Священного Синода для обеспечения вдов духовного звания, имевших малолетних детей, либо взрослых дочерей «не подающих надежды на замужество», предоставлялись вакансии просфорниц с окладом в 14 рублей в год [11]. В силу того, что диаконы, в отличие от священников, не могли самостоятельно совершать требы, которые по большей части были основной статьей их дохода, в диаконских семьях редко имелись сколько-нибудь возможные денежные накопления, которыми можно было бы воспользоваться в форс-мажорных обстоятельствах.

Ситуация, однако, осталась не проясненной, т. к. из наличных документов нет возможности проследить судьбу семейства убитого диакона и результатов поисков, учиненных благочинным Диомидом Зайцевым.

Ведущиеся в крае военные действия против непокорных горцев порождали часто непредвиденные коллизии. Поскольку в войсках Отдельного Кавказского корпуса проходили службу люди различных инославных исповеданий, то могли возникать трудности вероисповедального характера. Кавказские войска стали испытывать недостаток римско-католических священников после массового прибытия в войска рекрутов из Царства Польского и пленных-поляков из бывшей Польской армии, после подавления восстания 1830–1831 гг. Например, командир Кавказского стрелкового батальона подполковник Кинович вынужден был обратиться к Кавказскому и Черноморскому епископу Еремею с просьбой разрешить священнику селения Новоселицы похоронить умершего в батальонном лазарете рядового поляка Яна Гвяздовского. Находившийся в селении священник Православной церкви Андреевский отказался совершить необходимые требы над умершим, «ссылаясь на неимение разрешения от епархиального начальства для того» [10, л. 1].

От Кавказской духовной консистории незамедлительно пришло заключение: предписать священнику Андреевскому неукоснительного исполнения потребных треб, «буде кто из чиновников католической, реформаторской или лютеранской

религии, т. к. все они учения Евангельское содержат и надежду полагают во Христе Спасителе сего мира, а при том определили себя на защиту Православного нашего Отечества» [10, л. 2]. Всем полковым священникам повелено было тела погибших или умерших «сопровождать с места до кладбища в ризах и епитрохиях и опускать в землю при пении стиха: Святы Боже...» [10, л. 3].

Таким распоряжением снималась отчасти проблема отсутствия людей, предназначенных для осуществления необходимых треб для людей римско-католического исповедания и одновременно отдавалась дань и свидетельство уважения их служению российскому Отечеству, видя в них не только единоподданных российского императора, но едино сынов Христовых.

Сложные обстоятельства жизни в Северокавказском крае требовали от служителей культа большого самообладания и даже самоотдачи, граничивших с героизмом, когда, например, в 1830–1831 гг. там свирепствовала эпидемия холеры, которая проникла из Закавказья в августе 1830 г. в Кизляр, а затем в Ставрополь. Всего в 1830 г. холерой было охвачена 31 губерния страны, в которых болело 68 091 человек, из которых умерли 37 595 человек. Особенно пострадали Астраханская губерния и Ставрополье. В Астраханской губернии в течение суток умирало до 200 человек [3].

Людей охватывал страх и ропот. Священно-церковнослужители также умирали от холеры, но большинство из них относились к эпидемии как Божьему попущению, которое надо понести со смирением и покаянием. Этому они учили сельских поселян, среди которых жили сами. Священно-церковнослужители служили молебны, читали молитвы от мора, совершали крестные ходы, всячески старались успокоить прихожан и напутствовать их на смирение и уповать на волю Божью.

Однако многие из сельских жителей не верили в холеру, считали, что никакой болезни нет, что правительственные чиновники только отягощают и осложняют их жизнь карантинными мерами. Особенно поселян раздражало то, что дома заразившихся людей оцепляли и запрещались любые передвижения остальных здоровых домочадцев. Сельским священникам предписывалось «удостоверять народ, что это болезнь заразительная, что предписанные начальством предосторожности нужно употреблять послушно и верно. Потому что, если кто, поступив против предосторожности внесет сразу в селение, нарушит карантин, таковой даст Богу ответ за нарушение заповеди и за то, что сделался виной беды для своих братьев» [1].

Умерших от холеры практически сразу везли на кладбище и часто отпевали заочно. Тех, кто умирал ночью, также незамедлительно отвозили на кладбища, но, чтобы такие умершие не были

лишены молитв, с телом умершего отправляли записку приходского священника, в которой означалось имя усопшего, что он принадлежит к Православной церкви, и обстоятельства, по которым отпевание в приходской церкви не было совершено. Кладбищенский причт совершал погребальное пение с молитвами поименованных усопших, «смотря по возможности, выходить с литиею к месту, где похоронены тела» [1].

Некоторые из священно-церковнослужителей были не менее других людей подвержены страху смерти и не все справлялись с эмоциональным напряжением, хотя, будучи публичными людьми, не имели права это демонстрировать, чтобы не порочить не только свой сан, но и миссию Церкви. К тому же священнослужители часто были единственными, кто мог реально чем-то помочь людям, попавшим в беду, кто мог быть рядом, утешить и успокоить, подать надежду, а иногда организовать противохолерные мероприятия. Например, священники поили заболевших гомеопатическими настоями из трав, чтобы предотвратить у них рвоту. Это иногда спасало жизни людей и воодушевляло остальных страждущих. Часто от священников сообщалось властям о развивающейся ситуации.

Потому, когда от Ставропольского земского исправника пришло сообщение в Кавказский Областной комитет, что в районах, пораженных холерой, священники селения Дмитриевского Федор Колачинский и селения Разшеватки Лука Иванов, уклоняются от исполнения обрядов, «делаемым над людьми, заболевшими и умирающими от холеры» [6, л.1 об.], об этом было тут же доложено Архиепископу Новочеркасскому и Георгиевскому Афанасию.

Областные власти просили содействия Его Высокопреосвященства о постановлении в непременную обязанность духовенства и в особенности священнослужителей тех мест, где действовала холера, «чтобы они во время такого народного бедствия, если не все следующие обряды религии, то, по крайней мере, предание земле умерших от холеры, совершали бесприкословно и сообразно существующим на сие правилам» [6, л.1 об.].

Этого требовали обстоятельства, поскольку иное помимо всех привходящих событий порождало «большой страх и ужас в особенности в нижнем классе народа» [6, л.2], которые могли привести к непредсказуемым действиям местных жителей, не имевших иного утешения и поддержки по большей части, кроме священнического участия.

От Новочеркасской духовной консистории пришло распоряжение всем духовным правлениям через благочинных напомнить всем священно-церковнослужителям о неукоснительном исполнении всех христианских треб над больными холерой и особенно, чтобы они напутствовали их

исповедью и утешением, ободряли милосердием, «а умерших придавать земле по христианскому долгу» [6, л.2]. Вышеназванных священников по прошествии эпидемии, подвергнуть строгой ответственности.

Так, священник Лука Иванов 14 сентября 1831 г. был выслан в г. Новочеркасск в духовную консисторию держать ответ перед архиепископом. Всем оставшимся в своих селениях священникам предписано было через благочинного села Новотроицкого священника Иоанна Островидова ознакомиться с указом Архиепископа Афанасия и личными подписями это подтвердить [6, л. 7-7 об.]. От селения Разшеватки подписи поставили священники Лука Иванов, Афанасий Садовский, диакон Кирилл Феоктистов и дьячок Варфоломей Крестилевский [6, л.8].

Вероисповедальные коллизии могли возникать при изъявлении представителями инославных религий желания принять веру Христову. Такой казус возник, например, в 1836 г., когда выходец из туркменского Чугудуровского рода Магомед Джаналиев, проживавший в селении Покойном в работниках, запросился в христианскую веру, но местный священник отказался совершить над ним таинство крещения без разрешения духовного начальства [4, л.1-1 об.].

В связи с данным обстоятельством Кавказское Областное правление обратилось в Ставропольское духовное правление и просило разрешить священникам на будущее время приводить желающих в христианское исповедание без предварительной переписки.

На это обращение также отреагировала Новочеркасская духовная консистория, которая предписала священнику селения Покойного Федору Можарскому, «дабы он Джаналиева, научив правилам и благочестию Христианской веры, просветил священным крещением, внеся оное в метрическую книгу» [4, л.6].

Новым, но достаточно частым явлением сделались просьбы преступников из горцев по изъявленному ими добровольному желанию привести их в христианскую веру. В 1831 г. так поступил среди осужденных военным судом в комиссии при 43 Егерском полку вместе с прапорщиком Кучугманом Алькасовым чеченец Дзу Асаев, обвиненный за убийство подвластного князю капитану Эльдорову жителя деревни Мурдаровой чеченца Сулеймана.

Судебная комиссия постановила определить в качестве наказания для Дзу Асаева 31 удар плетью и отослать на поселение в Сибирь, а его брата Серали Асаева, подавшего повод к этому убийству, наказать 150 ударами розг и оставить на прежнем месте жительства [8, л.1 об.].

Среди осужденных по аналогичному преступлению в судебной комиссии 43 Егерского полка в сентябре того же года был Лечи Кулаев, приго-

воренный к 40 ударам кнутом и к отправке в Сибирь в каторжные работы, который также изъявил желание перейти в христианскую веру [9, л.1 об.].

Приведение приговора в исполнение перечисленным арестантам, содержащимся в ставропольском тюремном замке, было приостановлено на основании указа Правительствующего Сената от 30 мая 1826 г., а также на основании указов от 16 декабря 1741 г. и от 26 октября 1761 г. для решения по делам об иноверцах, осужденных за смертоубийство и другие тяжкие преступления, когда эти иноверцы примут веру греческого исповедания [9, л.2].

После обращения Кавказского областного правления в Ставропольское духовное правление о высказанном желании осужденных иноверцев перейти в христианскую веру соборному священнику Андрею Альшанскому поручалось до получения Архипастырского решения из Новочеркасска приготовить к святому крещению чеченца Дзу Асаева и Лячи Кулаева. По научении их первым началам христианской веры и некоторых молитв, 3 апреля 1832 г. они были окрещены с наречением имен, первому – Василий, а второму – Федор. Восприемниками первого стали ставропольского полевого комиссионерства комиссар 14 класса Андреян Андреев и ставропольского купеческого сына Ивана Чернова дочь девица Мария; второго – титулярный советник служащий Ставропольского Земского суда Никифор Зазулевский и вдова, ставропольская мещанка Елизавета Шуваева [9, л.12].

С такой же просьбой обращались содержащиеся во Владикавказской крепости джераховец абрек Газиев и кистинцы Антек Андиев и Исмаил Ашов, которые оказались виновными: Газиев – в возмущении кистинцев, в разбое и грабеже; Андиев и Ашов – в воровстве и грабеже. По конфирмации им было определено: абрека Газиева наказать 20 ударами кнутом и поставить на лице указание знака, сослать в Сибирь на каторжные работы. Антека Андиева и Исмаила Ашова наказать публично плетью, по 50 ударов каждому и сослать в Сибирь на поселение [5, л.1об.].

При осмотре тюремного замка г. Владикавказ 16 апреля 1831 г. областным прокурором, содержащиеся там преступники Антек Андиев и Исмаил Ашов, в ожидании исполнения приговора, изъявили ему желание принять христианскую веру. Областной прокурор, в свою очередь, обратился в Ставропольское духовное правление, сообщив о желании преступников и приказал отослать их туда при получении положительного, основанного на существующих законных основаниях согласия архиепископа, а исполнение вмененного им наказания приостановить до особого на этот счет предписания, опираясь на основания указа Правительствующего Сената от 30 мая 1826 г., а самих арестантов отправить под караулом в г. Ставрополь [5, л.2 об. – 3].

Реагируя на обращение областного прокурора и желание преступников магометанского исповедания Антека Андиева и Исмаила Ашова, изъявивших добровольное желание принять христианскую веру, Ставропольское духовное правление 11 июня 1831 г. предписало иерею Казанской церкви Николаю Тихомирову, чтобы он «по наставлению оных некоторым молитвам, просветить их светом крещения, и по исполнении донес о восприемниках Правлению» [5, л.4].

Арестантов приводили ежедневно из тюремного замка под надлежащим караулом чинов Ставропольской градской полиции в Ставропольское духовное правление для надлежащих «в чем следует испытаниям и наставлениям» [5, л.11 об.], а затем возвращали под арест тем же караулом.

Из опроса через переводчика канцеляриста Никиту Наталова было выяснено, что Антек Андиев от роду 45 лет, не имел ни отца, ни матери, ни каких-либо родственников. Будучи одинок, желает принять христианскую веру не из страха наказания, которое последовать должно за совершенные им преступления, а по внушению ему христианской веры, истину которой ему раскрыли некоторые русские люди, содержащиеся вместе с ним под стражей, через разговоры. Его подельник Исмаил Ашов – от роду 20 лет, холост, родственников, кроме престарелого отца не имел.

Смотрителю тюремного замка приказано было подготовить арестантов для принятия Святого крещения, очистить омовением и снабдить чистой одеждой, а также приискать восприемных отцов мужского пола и женского пола восприемниц. Затем отослать при надлежащем присмотре к священнику Казанской церкви Николаю Тихомирову [5, л.18].

В перечисленных случаях трудно выяснить, насколько искренними были высказанные желания осужденных преступников принять Святое Крещение и отказаться от своей прежней магометанской веры, поскольку принимаемые ими решения были вызваны чрезвычайными обстоятельствами и могли сделаться лишь способом спасения от предстоявшего им наказания. С другой стороны, горские выходцы, переходившие в христианскую веру, рисковали быть убитыми со стороны своих единоплеменцев, если возвращались в свою этническую среду на прежнее место жительства. Из исследованных архивных документов нельзя проследить дальнейшую судьбу обозначенных новокрещенцев, но из опыта северокавказской жизни первой половины XIX в. следовало, что эти люди были обречены выбирать не только религиозное исповедание, но и дальнейшую дислокацию своего существования: обстоятельствами они обрекались жить в русском имперском мире.

Литература

1. Бежанидзе Г. Холера в 1830: действия медслужб, Церкви и власти. URL: <https://www.miloserdie.ru/article/holera-v-1830-dejstviya-medsluzhb-tserkvi-i-vlasti/> (Дата обращения: 06.02.2023).
2. Булгаков С.В. Настольная книга для священно-церковнослужителей URL: http://www.odinblago.ru/nastolnaya_kniga_1 (Дата обращения: 06.02.2023).
3. Васильев К.Г., Сегал Л.Е. История эпидемий в России. URL: <http://kemenkiri.narod.ru/gaaz/epid.htm> (Дата обращения: 06.02.2023).
4. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. 63. Оп.15. Д.19.
5. ГАСК. Ф. 90. Оп.1. Д.72.
6. ГАСК. Ф. 90. Оп.1. Д.83.
7. ГАСК. Ф.90. Оп.1. Д.104.
8. ГАСК. Ф. 90. Оп.1. Д.111.
9. ГАСК. Ф. 90. Оп.1. Д.123.
10. ГАСК. Ф.135. Оп.2. Д.150.
11. Приходское духовенство в XIX веке. URL: <https://history.wikireading.ru/258706> (Дата обращения: 06.02.2023).

References

1. Bezhanidze G. Holera v 1830: dejstviya medsluzhb, Cerkvi i vlasti (Cholera in 1830: the actions of medical services, Churches and authorities). URL: <https://www.miloserdie.ru/article/holera-v-1830-dejstviya-medsluzhb-tserkvi-i-vlasti/> (Accessed: 06.02.2023).
2. Bulgakov S.V. Nastol'naya kniga dlya svyashchenno-cerkovnosluzhitelej (Desk book for clergy) .URL: http://www.odinblago.ru/nastolnaya_kniga_1 (Accessed: 06.02.2023).
3. Vasil'ev K.G., Segal L.E. Istoriya epidemij v Rossii (History of epidemics in Russia). URL: <http://kemenkiri.narod.ru/gaaz/epid.htm> (Accessed: 06.02.2023).
4. State Archive of the Stavropol Territory (GASK). F. 63. Inv. 15. D.19.
5. GASK. F. 90. Inv. 1. D.72.
6. GASK. F. 90. Inv. 1. D.83.
7. GASK. F.90. Inv. 1. D.104.
8. GASK. F. 90. Inv. 1. D.111.
9. GASK. F. 90. Inv. 1. D.123.
10. GASK. F.135. Inv. 2. D.150.
11. Prihodskoe duhovenstvo v XIX veke (Parish clergy in the 19th century). URL: <https://history.wikireading.ru/258706> (Accessed: 06.02.2023).

Сведения об авторах

Гранкин Юрий Юрьевич – доктор исторических наук, проректор по академической политике, контролю качества, образования и информатизации Пятигорского государственного университета / grankinj@pgu.ru

Адрес: д.9, пр. Калинина, 357352, Пятигорск, Российская Федерация.

Клычников Юрий Юрьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии Пятигорского государственного университета / klichnikov@mail.ru

Адрес: д.9, пр. Калинина, 357352, Пятигорск, Российская Федерация.

Лазарян Сергей Степанович – доктор исторических наук, профессор кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии Пятигорского государственного университета / aflost@yandex.ru

Адрес: д.9, пр. Калинина, 357352, Пятигорск, Российская Федерация.

Information about the authors

Yuri Yu. Grankin – doctor of Historical Sciences, Vice-Rector for Academic Policy, Quality Control, Education and Informatization, Pyatigorsk State University / grankinj@pgu.ru

The address: 9, Kalinina Ave., 357352, Pyatigorsk, Russian Federation.

Yuri Yu. Klychnikov – doctor of Historical Sciences, Professor, Chair of Historical and Social Philosophical Disciplines, Oriental Studies and Theology, Pyatigorsk State University / klichnikov@mail.ru

The address: 9, Kalinina Ave., 357352, Pyatigorsk, Russian Federation.

Sergey S. Lazaryan – doctor of Historical Sciences, Chair of Historical and Social-Philosophical Disciplines, Oriental Studies and Theology, Pyatigorsk State University / aflost@yandex.ru

The address: 9, Kalinina Ave., 357352, Pyatigorsk, Russian Federation.